

ТИМАРЦЕВ В. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ТИМАРЦЕВ Валериан Александрович, родился в 1879. В 1902 — окончил юридический факультет Московского университета. Служил присяжным поверенным окружной судебной палаты в Ельце, с 1917 — в Москве, с марта 1918 — народный судья Замоскворецкого района Москвы, затем старший инспектор ВСНХ, член Коллегии Воронежского Губтрамота, инструктор Наркомата юстиции УССР, временный заведующий отдела юстиции Волынской губ.; консультант отдела судоустройства Наркомата юстиции УССР. В начале 1920-х — уполномоченный "Всероссийского комитета помощи голодающим Поволжья" по эвакуации детей; работал также по государственному страхованию; после 1923 — безработный. 27 сентября 1924 — арестован в Москве в здании на Лубянке, 2, где писал заявления для граждан, хлопотавших об арестованных родных. 17 октября приговорен как "социально вредный элемент" к 3 годам ссылки в Сибирь и отправлен в село Богучаны Приангарского района. Работал делопроизводителем у местного следователя, затем секретарем районной земельной комиссии РИКа; в 1926 — переведен в деревню Ярки. В середине февраля 1927 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<15 февраля 1927>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Может быть, обращение мое к Вам является бесполезным, так как Пол<итический> Кр<асный> Крест касается только политических адм<инистративно> высланных, и принадлежу ли я к ним, я до сего времени не знаю, также как не знаю, за что я выслан. Я был арестован 27/IX-24 г<ода> в <нрзб.> в помещении для приходящей публики комендатуры ОГПУ (Лубянка 2), где я, будучи несколько раз, написал несколько заявлений по просьбе некоторых граждан, хлопотавших о своих арестованных родственниках. Заявления были написаны на имя Крыленко, Катаньяна, Калинина, ОГПУ, ВЦИК и т<ому> п<одобное> и, конечно, содержание их было вполне легальное. Будучи юристом, я для этого имел достаточную опытность. Многие из этих заявлений достигали цели. В это время я был безработным и искал постоянного места, но везде только обещали. При этом я никого не эксплуатировал, и в момент ареста у меня было отобрано всего 60 коп<еек>. Никогда у меня не было мысли принести кому-либо, а Советской власти в особенности, вред.

После ареста я был только раз допрошен упол<номоченн>ым Адм<инистративного> Отдела Бхевской, которая спросила меня только о том, как и почему я написал вышеупомянутые заявления, и обещала еще вызвать. Никакого обвинения мне не было предъявлено. Затем я был переведен в Бутырскую тюрьму, а 17/X-24 г<ода> состоялось постановление ОГПУ о высылке моей на 3 г<ода> в Сибирь, как социально вредный элемент, причем опять не было сказано, в чем же, в каких действиях проявилась моя вредность и не сказано соответствующая статья Уг<оловного> Код<екса>. В Сибирь я был перевезен этапным порядком и выдворен в Приангарском районе сначала в селе Богучанах, а затем в дер<евне> Ярки, где и нахожусь в настоящее время. Находясь в ссылке, я ни в чем дурном или предосудительном не был замечен. Наоборот, смело могу сказать, что приобрел уважение и доверие всего населения и служащих <нрзб.>.

Не имея абсолютно никаких средств и не получая из России никакой помощи, мне пришлось вести тяжелую жизнь. Периодически мне

удавалось получать работу: работал у местного Нар<одного> следователя в качестве делопроизводителя и был даже утвержден Енис<ейским> Губ<ернским> судом, (копию приказа прилагаю), затем перешел в РИК секретарем Рай<онной> Зем<ельной> комиссии, но был снят с работы Уполномоченным ОГПУ, затем опять работал с перерывами то у Нар<одного> следователя, в общем около одного года, то у Нар<одного> судьи, то в РИКе. Вообще меня приглашали тогда, когда в судебных учреждениях была запущена работа, вследствие неопытности самих судебных деятелей и их сотрудников. Работой моей, которой я отдавал все свое время, силы и знания, были все крайне довольны (прилагаю справку). Приезжавшие на ревизии Прокуроры и Сиб<ирский> Крайсуд также оценили мою работу, рекомендовали пользоваться мною и даже делали представления о разрешении работать у них и о переводе меня в их распоряжение, причем, один из них брал меня под свое личное поручительство. Канский Окр<ужной> исполком также возбуждался вопрос о моем переводе в его распоряжение. Но из этого ничего не вышло, а меня, наоборот, по распоряжению ОГПУ сняли с работы и перевели в глухую деревню Ярки, где я никакой работы не могу иметь и обречен на самую крайнюю нужду. Я обращался с просьбами выяснить причины тех ограничений, которым я подвергаюсь, проверить правильность их, но все это безрезультатно. Не помогли и заявления некоторых здешних видных партийных работников. Подавал я заявления и в Канск<ий> Окр<ужной> Отд<ел> ОГПУ, и П<олномочному> П<редставителю> ОГПУ по Сибири, но не получил даже ни одного ответа. В марте 1926 г<ода> мне исполнилось половина срока. Я подавал в Коллегию ОГПУ о досрочном освобождении и тоже не получил ответа. Теперь я послал заявление на имя Крыленко с приложением засвидетельствованных справок, таких же, как прилагаю при сем. Дальнейшее пребывание на Ангаре при отсутствии средств и заработка грозит гибелью. В настоящее время до окончания срока остается 9 месяцев. Мне 48 л<ет>, здоровье плохое (у меня перерождение сердца, что было удостоверено освидетельствованием и в Канске и в Богучанах). К сожалению, справки о здоровье остались в ОГПУ. Получить же новые сейчас почти невозможно, так как новый Уполномоченный не разрешает проезд в Богучаны, где больница.

Скажу несколько слов о себе, т<о> е<сть> свою автобиографию. Я окончил юрид<ический> факул<тет> Москов<ского> Унив<ерситета> в 1902 г<оду>, до этого был еще на математическом. С 1902 г<ода> по 1917 г<од> был Прис<яжным> Пов<еренным> Окр<ужной> Моск<овской> Суд<ебной> Пал<аты>, живя в своем родном городе Ельце, а затем в Москве. В 1918 г<оду> был Нар<олным> судьей г<орода> Москвы, затем последовательно: Ст<аршим> Инсп<ектором> ВСНХ, член Колл<егии> Ворон<ежского> Губтрамонта, Инстр<уктором> орган<изации> Нар<ар>К<омата> Ю<стиции> УССР, вр<еменным> Завед<ующим> Отд<ела> Юст<иции> Волын<ского> губ<ернии>, консульт<антом> Отд<ела> Судостр<ойства> Нар<ар>К<омата> Ю<стиции> УССР, уполномочен<ным> Помгола по эвакуации детей, работал по Гос<ударственному> Страхов<анию>.

Чтобы быть правдивым и не вводить в заблуждение, я должен сказать о своих ошибках. Работая, как оценщик в Госстрахе, я имел некоторую собранную сумму денег (по настоящей ценности меньше 100 руб<лей>), которую я не мог своевременно внести в кассу, т<ак> к<ак>, доверившись лицу, которого я знал 25 лет за честного человека, дал их ему на 1-2 дня, но не получил обратно. За это меня присудили по 1 ч<асти> 113 ст<атьи> УК к 1½ г<одам> без ограничения в правах. 2/VII – 24 г<ода> по Постановлен<ию> Моссовета я был освобожден. По этому делу я всю вину взял на себя, т<ак> к<ак> не видел пользы привлечения

человека, имеющего более 60 л<ет>. От этого моя вина, конечно, не уменьшилась. Таким образом, я был достаточно наказан за свою опрометчивость.

В настоящее время прошу Вас, если это возможно, посодействовать ускорению разрешения моей просьбы на имя Крыленко, и сообщить о результате ее.

Будучи всю жизнь социалистом, я с первого же года Советской власти начал работать в новых учреждениях и 1/III 1918 г<ода> был Нар<одным> судьей Замоскворецкого района (Калужская ул<ица>)

Обидно и больно, что сейчас считаюсь вредным элементом в то время, как стремился все время быть полезным Советской власти и никогда не руководился корыстными целями.

Должен я еще прибавить упущенную мною выше подробность.

При допросе в ОГПУ я просил о допросе свидетелей, которые знали, почему и при каких условиях я оказался в комендатуре ОГПУ, где я был арестован, но их не допросили.

Надеюсь, что Вы не откажете в исполнении моей просьбы. Ведь нам, адм<инистративно> высланным, обратиться не к кому за помощью или разъяснением. Везде мы получаем или отказы или совсем не получаем ответов. Прав своих мы совсем не знаем, нам никто никогда не объявлял, и подчиняемся всякому распоряжению.

Очень прошу сообщить о получении этого заявления.

Адм<инистративно> высланный
Валериян Александрович Тимарцев.

Ярки.

Адрес: Почт<овое> Отд<еление> с<ела> Богучан Приангарского района Канского Округа Сиб<ирского> края в дер<евне> Ярки В. А. Тимарцеву.

Для Вашего сведения прилагаю копии справок, приложенных к заявлению на имя Крыленко.

Р. С. Вашим заместителем является М. М. Винавер, которому я передавал свою рукопись "О суде и наказании" для использования ее. Рукопись я получил от него для исправления здесь на Ангаре.

Очень хотелось бы знать, существует ли какое-либо положение или инструкция об условиях отбывания высылки, о правах и обязанностях ссыльных, о том, какие занятия воспрещены (напр<имер>, обучение детей грамоте, служба в учреждениях, кооперативах и т<ому> п<одобное>), кому и сколько должно выдаваться пособие, и если таковая есть, то ее содержание, и должна ли она быть объявлена высланным»¹.

На письме — помета рукой Е. П. Пешковой:

«Запр<осить> <нрзб.> отд<ел> к<а>к отдел выслан<ных>. Ответить ему по получении справки. Е. П.18/II 27».

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 187. С. 403-404. Автограф.